

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Смертельный юмор

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Художественный редактор *А. Зинина*

Серова, Марина Сергеевна.

С32   **Смертельный юмор / Марина Серова.** — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-201613-4

Профессиональному телохранителю Евгении Охотниковой достался сложный клиент, но с чувством юмора. Иракий занимается стендапом, читает свои шутки со сцены. Кому-то это не понравилось: за артистом начали настоящую охоту, да так, что понадобилась помощь телохранителя. Сначала на сцене произошел пожар и Иракию чудом удалось спастись, затем его сбили на автомобиле, а потом его заказали киллеру, и только Евгении Охотниковой по плечу спасти комика и найти злоумышленников.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201613-4

© Серова М.С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Мой день начался довольно рано, поэтому я сидела сонная, невыспавшаяся и, если честно, не совсем вникала в то, что мне сейчас говорят.

— Я словно иду по дороге из желтого кирпича, все отлично складывается, пишу классные тексты, зрители их принимают. Не все, но принимают. — Ираклий, уточнив это, застенчиво улыбнулся и продолжил свой рассказ: — Я знаю, что все прекрасно, совсем спокойный и радостный нахожусь в предвкушении победы, что ли, если так можно сказать, а потом — бац! — Он резко стукнул кулаком, пенка на капучино колыхнулась и чуть не выпрыгнула из бокала. — Бац! И все рушится! Передо мной пропасть! Финал провален! Внезапно и окончательно! Понимаете меня? — Юноша вопросительно посмотрел на меня. В глазах сверкали гневные молнии. Если бы их можно было оживить, то выражение «метать громы и молнии» как нельзя кстати подошло бы сюда.

— Понимаю, прекрасно понимаю, — кивнула я. — И, кстати, можно на «ты», ненамного уж я тебя и старше. А когда вы-

каешь, то ощущаю себя древней старухой, — уточнила сразу, чтобы потом не было никаких недопониманий.

За окном вовсю бушевал весенний день. Было еще спокойно — редкие прохожие и автолюбители в выходной день нарушали тарасовскую тишину. Несмотря на яркое солнце, было достаточно прохладно. Я продрогла за те десять минут, пока дошла до нужного мне места от припаркованной машины. А вот кафе, где мы сидели, наоборот, согревало своей атмосферой и тишиной.

Мы сидели с Ираклием в уютном местечке, о котором знают только тарасовцы, да и то не все, а лишь жители этого райончика. Кафе манило к себе. Все эти пастельные оттенки в отделке, приглушенная музыка, мягкий свет. Парно стоят уютные диванчики, которые создают ощущение отгороженности от всех, хоть зал достаточно просторный и наполненный. И плюс очень вкусные блюда, достаточно простые и обычные на первый взгляд. И что самое главное, ненавязчивый и одновременно с этим очень шустрый персонал.

Например, сейчас нам приготовили кофе и просто невероятный завтрак. «Счастливые люди» славились своими блюдами, выдержанными в национальных традициях. Так, апрель был посвящен грузинской кухне, поэтому сейчас передо мной стояло борано — густой и тягучий, как карамель, омлет

с сулугуни, запеченный в духовке, — с моим любимым соусом из переспелых слив — ткемали. Можно было, конечно, заказать более привычную аджику, сацебели или шкмерский соус, но я осталась верна своим вкусовым пристрастиям.

Перед Ираклием стояла тарелка с мацкабети — такими аппетитными сырниками с ягодками и сгущенкой. Но он к ним пока даже и не притронулся, лишь сделал пару глотков капучино.

Я подумала, что надо основательно подкрепиться и дополнила свой заказ киклико — очень аппетитными и пухлыми тостами. Здесь они самые вкусные во всем городе, и, насколько я знаю, именно в этом кафе их вымачивают сначала в молоке, потом обсыпают сахаром и обжаривают на горячей чугунной сковороде. Киклико становятся золотистыми, как первые лучи солнца, что заглядывают в окно и ласково будят всех, кто позабыл плотно прикрыть шторы.

Я отпила кофе, а он здесь был просто выше всяких похвал, откусила тост. Несмотря на вкус и аромат блюд, на уютную атмосферу, мне все-таки хотелось вернуться домой, в свою мягкую кровать. Чувствую, и она по мне сейчас сучает.

Почему мне не спалось и не отдыхалось сегодня после бурной ночи, в самом прямом смысле этого слова? Ничего удивительного, мне позвонил Пасечник и предложил

встретиться сегодня утром, если можно так назвать время суток, когда телефон показывает уже почти одиннадцать часов. Уточнил, где мне хочется пообщаться. Я назвала кафе «Счастливые люди», а потом догадалась задать встречный вопрос, зачем я ему понадобилась. Ну явно же не для приятных бесед.

Василий меня огорошил с ходу:

— Жень, с тобой Ираклий хочет поговорить. Я как-то проболтался о твоей деятельности, ну и он кое-что в сети почитал, посмотрел несколько старых видео — вырезку из новостей, где про тебя говорили. Сказал, что именно ты ему и нужна. Может, влюбился? — захохотал Василий. — Короче, встречаемся через час там, где ты скажешь.

— Хорошо, договорились. — Я отключила телефон и быстро собралась.

Доехать до моего любимого места было недолго, правда пришлось бы поплетаться по улочкам моего микрорайона. Я решила пройтись пешком — будет быстрее и полезнее.

И вот мы сидели, соображали на троих. В хорошем смысле. Вспомнили ночь, пожар, его этапы. Пасечник еще даже не успел сделать заказ, как вдруг ему позвонили из администрации и сообщили, что внезапно приехал кто-то очень важный и нужный, поэтому Василий, спешно попрощавшись, покинул нас.

В этот момент мне показалось, что Ираклий облегченно вздохнул. Поэтому сейчас

мы беседовали достаточно откровенно и непринужденно. И я, как ни странно, понимала все, о чем метафорично говорил мой новый знакомый. Главное, его не перебивать и пока не задавать никаких вопросов. Даже тот, который очень хотелось спросить: зачем же я ему нужна?

— Женя, я читал о вас. — В этот момент в моих глазах, видимо, отчетливо промелькнули молнии, и Иракий быстро исправился: — О тебе. И хочу обратиться за помощью. Я пока не в курсе стоимости твоих услуг, но знай, что оплата будет произведена своевременно, полностью и ровно в том объеме и сумме, какую ты назовешь.

— Об этом чуть позже, — я все-таки его прервала своим вопросом: — Зачем я тебе нужна? Ты не политик, не депутат, не банкир и уж, прости за бестактность, не такой уж известный стендапер. Была бы у тебя фамилия Воля или Ревва, ну или хотя бы Щербаков, то я бы еще поняла.

— Моя фамилия Вениаминов.

— Хм... — я слегка поперхнулась.

Тарасовские Вениаминовы достаточно крупные шишки и известны своими юридическими способностями не только здесь, но и далеко за пределами области.

— Ты из клана вениаминовских юристов?

— Да. Но отношения я к ним не имею.

— Это как понимать? Давай-ка рассказывай все подробно, иначе я запутаюсь с самого

начала. И раз уж у нас такая беседа, то сразу говорю тебе честно и откровенно — логика не мой конек, догадываться я уж точно ни о чем не буду, поэтому выкладывай!

Ираклий слегка замялся, а потом, видя мой взгляд и, скорее всего, сонную усталость, решился на разговор.

— Родителей в детстве я почти не видел — работа, дела, обсуждение важных тем. Даже за столом мы так редко собирались все вместе. Дедушки и бабушки тоже в делах, я с няней, с репетиторами, с учителями — с кем угодно, со всеми, но только не с семьей, — он совсем спокойно начал рассказ. Видимо, уже много раз прокручивал в голове эти слова, а может, и говорил, если не кому-то, то самому себе точно.

— Спешу тебя разочаровать или обрадовать. Это классика жанра в нашей современности. Так часто бывает, что дети сами по себе, а родители сами по себе, ты не один такой. Мои тоже были всегда в работе. А после смерти мамы отец вообще женился, — я это произнесла с горечью, до сих пор не могу простить. Но тут же прикусила язык: с какой это стати я разоткровенничалась с человеком, которого вижу всего второй раз в жизни? Да и к тому же, моим возможным клиентом.

— Мой тоже женился. Не так давно, — выплюнул горькую фразу, словно таблетку, Ираклий.

— В смысле? Я не так давно смотрела передачу о тонкостях юридического дела, о преемственности поколений, о знаменитой тарасовской династии, и как раз там твои родители были. Они прекрасная пара, понимают друг друга с полуслова, один начинает фразу — второй заканчивает... — я не успела завершить свою мысль, как Ираклий меня перебил:

— Женя... — Ираклий как-то презрительно поморщился и отвернулся к окну. Немного помолчал, потом продолжил: — Это все видимость. Год назад я узнал, что у каждого из них, и у матери, и у отца, уже есть другая семья. И там они счастливы. Наверное... Кто их разберет! — Он немного помолчал, собрался и продолжил: — Дома каждый занят либо самим собой, либо работой. Одно их сближает — мое воспитание, а точнее, дрессировка, и желание сделать из меня высококлассного юриста, который продолжит семейное дело и пойдет по их стопам, чтобы не портить репутацию.

— Семейное дело не так уж и плохо, — отметила я.

В ответ получила взгляд, в котором отчетливо читалось: «Ты меня не понимаешь».

— Не знаю, зачем я тебе это все рассказываю. Наверное, накопилось и прорвалось, как канализация, — Ираклий грустно усмехнулся.

Его указательный палец начал обводить по кругу край бокала. К капучино он так

больше и не притронулся. Остывший одинокий сырник тоже не был удостоен мужского внимания.

У меня же, наоборот, просыпался аппетит, поэтому я с грустью посмотрела на пустую тарелку из-под омлета, доела оставшийся кусочек тоста и допила кофе, поставив бокал, слегка откинулась. Все, больше не буду перебивать, пусть выговорится. Как раз и пойму, от чего его нужно защищать. Не от родителей же, в конце концов?

— Когда я узнал про их вторые семьи, то мне так противно стало. На людях они же идеальная пара, у которой нет недостатков ни дома, ни на работе, ни в семье, ни в делах. «Юристы всегда безупречны!» — эту фразу Ираклий сказал таким тоном, явно кого-то передразнивая. — Я очень хотел после школы пойти на филологический в ТарГУ, мне нравится лингвистика, литературное мастерство. Но мои и слышать об этом не хотели. После школы — по стопам родителей, в тот же самый вуз, на тот же самый факультет, где учились они, познакомились и выпустились с красными дипломами. А потом меня так все достало — и эти пять лет, и мутное будущее, и родители!

— Ты решил сбежать из дома?

— Поздно было. Я сдал ГОСы, а готовый диплом стер с компа. Ну как стер — просто уничтожил вместе с ним — так разозлился, что швырнул ноут на пол, да еще и попрыгал

сверху, как подросток, — грустно усмехнулся мой собеседник. — Можно, конечно, было всю информацию восстановить, но я твердо решил: — Все, не мое. Уйду. И хлопнул дверью универа.

— А что раньше-то не ушел? Что держало-то?

— Ага, уйдешь тут! Сначала родителей вроде боялся расстроить или обидеть, потом имидж семьи поддерживал, да и еще одно. В универе я же играл в КВН, мне нравилось и самому шутить, и писать. Поэтому и на сцену пошел. — Ираклий повеселел, чувствовалось, что сейчас он говорит от всего сердца о том, что любит. — Ну и еще Василевс держал.

— Пасечник?

— Да, это же друг детства. Нас даже родители называли обоих по-царски, ты обратила внимание? Видимо, будущее визуализировали, моделировали, — усмехнулся Ираклий.

— В общем, ты уже почти год живешь и делаешь то, что хочешь?

— Почти. От родителей ушел, снял квартиру. Они, правда, сначала сильно возмущались, взывали к моей совести, но потом успокоились. Поняли, что я со своего пути не сверну. Изредка общаемся. Хорошо, что Василевс рядом.

— Тогда повторяю свой вопрос: зачем тебе я? Честно, до сих пор не понимаю. Не от мамы с папой тебя же защищать.

— У меня через месяц сольник.

— Что, прости?

— Сольник, сольный стендап. Я готовлю программу, сейчас с ней выступаю по клубам, пока удастся частями обкатывать. Обидно, что ставят в конец — там уже многим не до чего. И это недавно началось.

— То, о чем вначале говорил — пропасть перед финалом?

— Она самая. И это не все. Хейтеры активизировались. Причем одновременно во всех соцсетях. Я столько гадостей никогда в жизни о себе не читал.

— Я могла бы сказать — «забей», но не буду. По большей части это люди — неудачники, которые себя ни в чем не реализовали, а таким образом самоутверждаются. Очень легко, знаешь ли, безнаказанно и анонимно поливать грязью другого, зная, что за это ничего не будет.

— Это я давно понял, но все равно цепляет. Знаешь, один-два комментария, это ладно. А когда их по сотке в день? А еще спам странный приходит. Открываю почту, а там письма с разных адресов, а содержание примерно такое: «Убей себя. Сцена — не твое. Научись говорить, потом рот открывай». И все в том же духе.

— Хм... — я немного недоумевала.

«Какой-то детский сад, если честно. Ну комментарии... Ну письма... А я-то тут при чем?» — видимо, последнюю часть фразы я сказала вслух.

— Да притом! — Ираклия пробило на эмоции, милый спокойный юноша исчез и вместо него передо мной сидел некрупный такой греческий бог, который метал взглядом молнии и добавил в свой голос нотки грома. — Вчерашний пожар — не случайность! Знаешь, я в последнее время ощущаю, что со мной по-настоящему может что-то произойти. Я делаю шаг, а кто-то его уже просчитал и ставит подножку. Я хочу знать, кто это, и обезопасить себя. Но это даже не главное. Главное, чтобы не сорвался мой сольник. Мечта всей жизни. После него я поеду в Москву.

— Сразу на крутой канал? — я не сдержалась и поерничала. Сколько их вот таких талантливых и творческих, знаменитых на местном уровне и рвущихся покорять столичные высоты, словно там своих таких «звезд» не хватает.

— Да! — Ираклий с вызовом посмотрел на меня. — Или ты тоже считаешь, что из этой затеи ничего не выйдет, у меня это не получится, и вообще, что я этого не достоин?

— Да, достоин, достоин, не кипятись, — я мысленно улыбнулась — мой будущий клиент напоминал сейчас ершистого подростка, который застрял в переходном возрасте и всю показывал свои «колючки».

— В общем, ты будешь меня охранять?

Видимо, мой насмешливый взгляд выдал меня с головой, потому что Ираклий взял